А. Е. БУРЦЕВЪ.

ЖИЗНЬ РУССКАГО НАРОДА ЕГО НРАВЫ и ОБЫЧАИ

въ картинахъ художниковъ
и въ снимкахъ съ натуры.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Годъ изданія первый.

Содержаніе:

А. Е. БУРЦЕВЪ.

ЖИЗНЬ РУССКАГО НАРОДА

его нравы и обычаи

въ картинахъ художниковъ
и въ снимкахъ съ натуры.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1914.
Типографія Е. Вейерманъ и Ко., Благовѣщенская площ., 3.

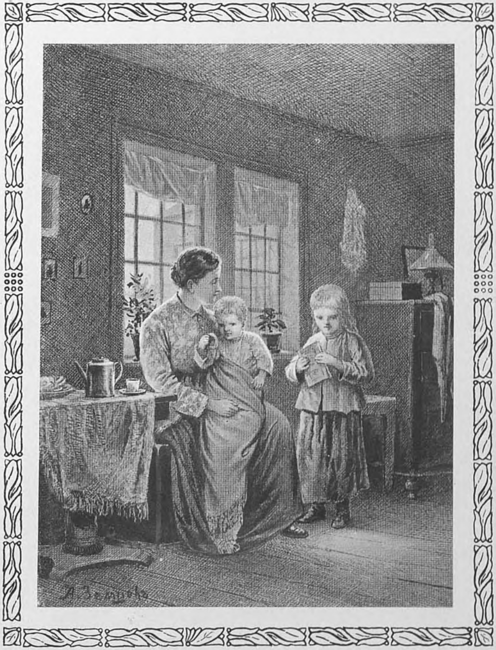
А. Е. Бурцевъ.

Дѣтство, отрочество, игры и забавы.

Выпускъ первый.

„Первыя уроки.“

Рисунокъ художника А. Земцова.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Зимой въ школу. Съ рисунка художника Казанцева. Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Деревенскіе дѣти за чтеніемъ газеты.

Рисунокъ художника Л. Злотникова. Изъ собранія А. Е. Бурцева.

„Заклюетъ“

Рисунокъ художника Кобылина.
Изъ собранія А. Е. Ђурцев

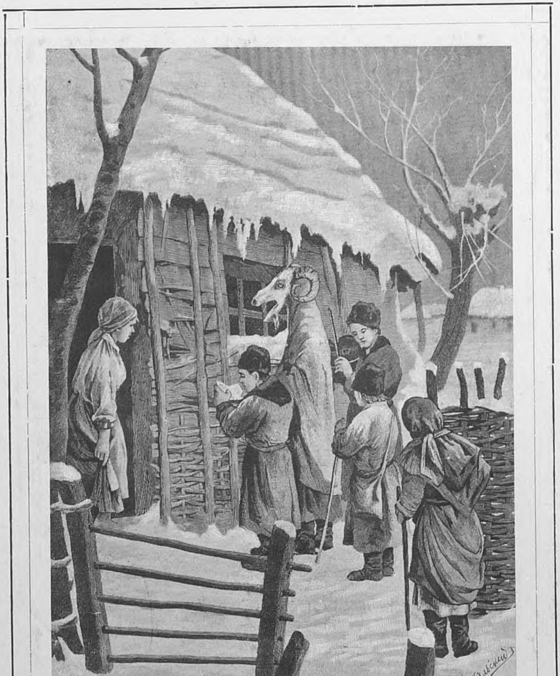
1. Игра въ снѣжки у школы. Художника Оболенскаго.
2. Трудная задача Художника Никитина,
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

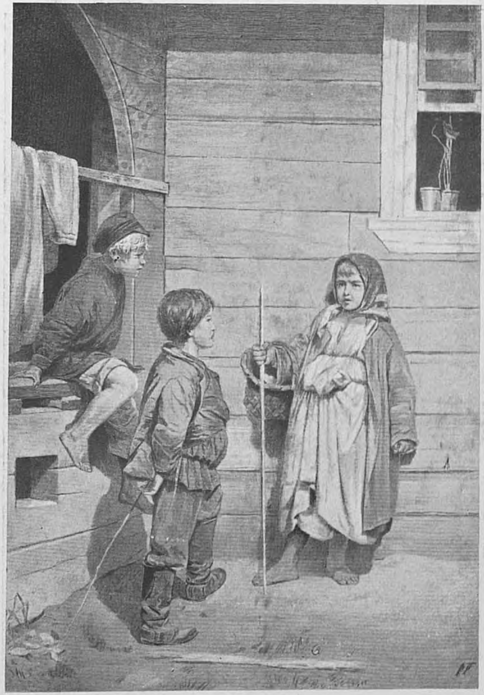
1. Деревенскіе скульпторы. Рисунокъ Порхоленко.
2. Игра въ лошадки. Рисунокъ Степанова.

Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Въ деревнѣ ряженныя на Святкахъ.

Рисунокъ художника Михальскаго.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Маленькая хозяйка.

Рисункъ художника Борисова.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Въ Рождественскую ночь со звѣздою.

Рисунокъ художника Трутовскаго.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

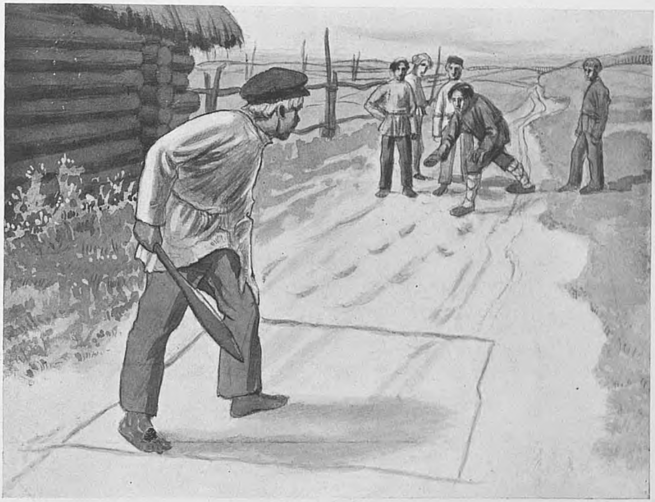
Катаніе съ горы на масляной недѣлѣ.

Рисунокъ художника Сазонова.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Дѣтская игра въ ималки
(Въ Вологодск. губ.).

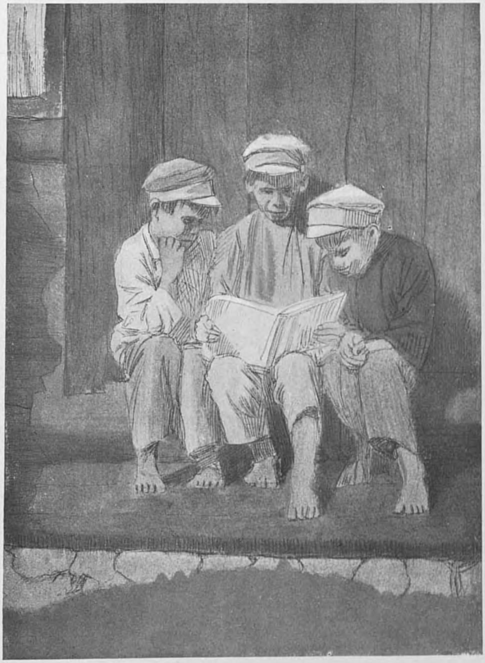
Рисунокъ художника В. Ткаченко.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

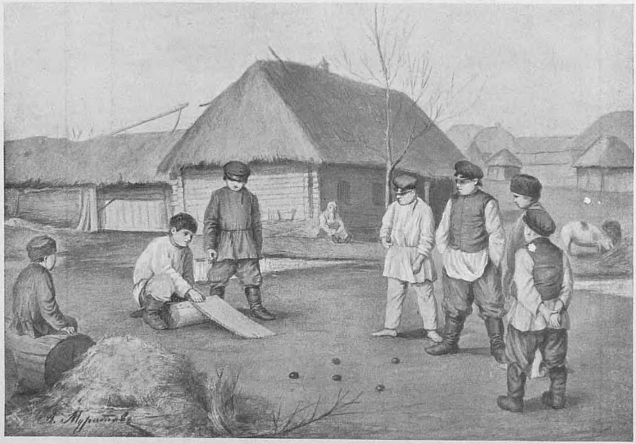
1. Дѣтская игра въ чиргу.
2. Игра ожикомъ.

Рисунки художника В. Ткаченко.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

„Интересная сказка про Бову королевича“.

Рисунокъ художника Л. Злотникова.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Катаніе яицъ на святой недѣлѣ.

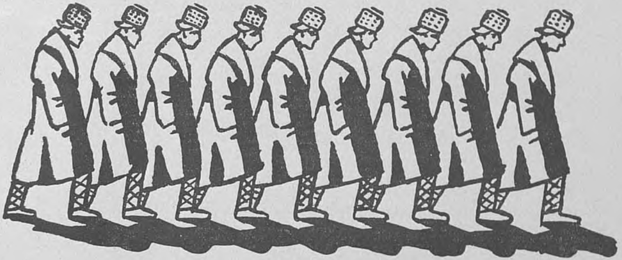
Рисунокъ художника Муратова.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Провинились.

Рисунокъ художника Сазонова.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

ДѢТСКІЯ
ИГРЫ и ЗАБАВЫ.

Матеріалы по этнографіи Россіи.

Александра Евгеніевича Бурцева.

Лодка.

Дѣйствующія лица: *атаманъ*, выбирается рослый, говорящій басомъ. Костюмъ его: шитый галунами и блестками кафтанъ; шаровары, заправленные въ личные сапоги, мохнатая высокая шапка и подобающее вооруженіе. Иногда въ маскѣ.

Есаулъ — по костюму очень похожій на атамана, но не такъ нарядный.

Приклонскій — пьяница — разбойникъ въ статскомъ костюмѣ.

Попъ — въ маскѣ и подобающемъ костюмѣ, обыкновенно старый.

Дѣвица.

Разбойники — шайка. Костюмъ: красная рубаха, обшитая по вороту, рукавамъ и подолу галунами или золотой бумагой и шаровары.

Атаманъ входитъ въ комнату, гдѣ находится публика; свита его останавливается въ дверяхъ. Онъ размахиваетъ саблей и поетъ

Ты позволь-ка намъ, хозяинъ,
Въ нову горенку войти.

Хоръ: Ай лели, ай лели,
Въ нову горенку войти.

Атаманъ: Въ нову горенку войти,
Все имѣнье осмотрѣть.
(Хоръ тоже.)

Все имѣнье осмотрѣть,
Да и пиво и вино.
(Хоръ.)

Да и пиво и вино,
Не прокисло-ли оно.
(Хоръ.)

Атаманъ. Огнемъ горю, жаромъ пылаю, побѣды презираю. Хлѣбъ, соль, да вода, да явится шайка моя!

Хоръ (поетъ).

Наша шайка здѣсь живетъ
Вольно, безпашпортно,
Нашъ хозяинъ—острый ножъ,
Сабля—лиходѣйка.
Мы не воры, мы не воры,
Не разбойнички:
Государевы крестьяне,
Рыболовнички.
Ужъ мы рыбицу ловили
По амбарамъ по клѣтямъ,
По высокимъ чердакамъ.

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. Что прикажете?

Атаманъ. Приведи мою лодку и шайку разбойниковъ. (Разбойники выходятъ и садятся на полъ въ два ряда, какъ гребцы въ лодкѣ; атаманъ и есаулъ становятся по концамъ лодки другъ противъ друга. Всѣ покачиваются, изображая волненіе.)

Атаманъ (къ попу). Отецъ разрѣшите спѣть пѣсню?

Попъ. Разрѣшаю и благословляю.

Атаманъ (поетъ). Внизъ по матушкѣ братцы по Волгѣ...

Хоръ (пристаетъ при словѣ *братцы*). По широкому раздолью...

Атаманъ. Поднималася, братцы, погода.
Погодушка не малая,
Не малая, волновая,
Ничего въ волнахъ братцы не видно.

Атаманъ. Есаулъ!

Есаулъ. Что прикажете?

Атаманъ. Возьми мою подзорную трубку и посмотри на всѣ четыре стороны: нѣтъ-ли пенья, коренья, подводнаго каменья, чтобы намъ, добрымъ молодцамъ не сѣсть на мель.

Есаулъ (смотритъ). Вижу.

Атаманъ. Что же ты видишь?

Есаулъ. Колоду.

Атаманъ. Какую тамъ къ чорту воеводу! Смотри, я такъ тебя ободрю и къ чорту въ ратники сошлю. Держи правѣй, никуда не ворочай (продолжаетъ):

Только видно одна шлюпка,
Одна шлюпочка чернѣетъ.
Вотъ чернѣетъ.
На ней паруса братцы, бѣлѣютъ
На гребцахъ шапки синѣютъ.
Вотъ синѣютъ...

Есаулъ!

Есаулъ. Что прикажете?

Атаманъ. Возьми мою подзорную трубку, и т. д... Что же ты видишь?

Есаулъ. Червь.

Атаманъ. Какую невидаль тамъ червь! Въ водахъ червь, въ землѣ червь, въ лѣсахъ червь, въ городахъ полицейскіе, хотятъ нашихъ добрыхъ молодцевъ сковать, связать и къ черту въ работники послать. Держи правѣй, никуда не сворачивай.

Есаулъ. Слушаю.

Атаманъ (продолжаетъ пѣть).

На гребцахъ шляпы, братцы, синѣютъ,
На нихъ кушаки алѣютъ.
Самъ хозяинъ, братцы, во нарядѣ:
Въ кумашненькой рубашкѣ...

Есаулъ.

Есаулъ. Что прикажете (и т. д. какъ и ранѣе). Вижу садъ!

Атаманъ. А я этому очень радъ.

Есаулъ. При немъ находится прекрасная дѣвица.

Атаманъ. А! Это хорошо! (поетъ).

Приворачивай, братцы — ребята
Ко крутому бережку
Ко Куляшину предворью...

Есаулъ!

Есаулъ. Что прикажете?

Атаманъ Весла по бортамъ и рабочихъ по мѣстамъ. Есаулъ!

Есаулъ. Что прикажете?

Атаманъ. Приведи ко мнѣ прекрасну дѣвицу, что находится за 12-ю желѣзными замками (приводятъ дѣвицу).

Атаманъ. (къ ней). Не желаешь-ли выйти за меня замужъ?

Дѣвица. За такого-то кровопивца!

Атаманъ. Сѣчь! рубить!

Разбойники. (кричатъ). Лучше за Приклонскаго отдать!

Атаманъ. Ну, послушаю, ребята, вашего совѣта: не возьметъ-ли Приклонскій... Приклонскій!

Приклонскій (стоя за дверями, хриплымъ голосомъ). Эй?

Атаманъ. Приклонскій!

Приклонскій. Эй?

Атаманъ. Приклонскій, пьяница, поди сюда!

Приклонскій. (Входитъ, шатаясь и спотыкаясь на разбойниковъ). Что прикажете господинъ атаманъ?

Атаманъ. Не желаешь-ли жениться?

Приклонскій. Э! жениться! по моему лучше задавиться. Да, поло-

жимъ, при старости лѣтъ не худо: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро, да кого-же ты мнѣ дашь? 70-ти лѣтнюю старуху?

Атаманъ. Я тебѣ дамъ не 70-ти лѣтнюю старуху, а 17-ти лѣтнюю дѣвицу.

Приклонскій. А гдѣ-же она? (Ему показываютъ. Онъ, пошатываясь, останавливается передъ ней). Ахъ! красоточка моя, полюби-ка ты меня! Я человѣкъ богатый: у меня есть четвертка табаку, фунтъ картошки, славная будетъ окрошка, а придешь домой и полопать нечего. (Показываетъ на висячій у нея на шеѣ медальонъ). Чей это у тебя, голубушка портретъ?

Дѣвица. Матушки.

Приклонскій. А кто у тебя матушка?

Дѣвица. Не знаю.

Приклонскій. А кто у тебя отецъ?

Дѣвица. Приклонскій.

Атаманъ. Ба! Приклонскій? Сѣчь! рубить! (Ее зарубаютъ).

Приклонскій. (Отрезвившись къ атаману). При такой моей горести я спою пѣсню, а вы спойте къ моей пѣснѣ припѣвъ. (Поетъ):

Льются слезы, духъ мятется
Томно сердце во мнѣ бьется.

Хоръ. Гдѣ любезная моя?
Нѣтъ ея, нѣтъ ея.

Приклонскій. Нѣтъ ея, знать запропала,
За ракитовъ кустъ запала.
(Припѣвъ.)

У кого спрошу? Кто скажетъ?
Кто несчастную покажетъ.
(Припѣвъ.)

Земледѣлецъ не видалъ-ли?
Ловчій въ полѣ не слыхалъ-ли?
(Припѣвъ.)

Пастушокъ въ лужкахъ душистыхъ.
При ручьяхъ пастушка чистыхъ.
(Припѣвъ.)

Злу тоску мою прервите,
Милы дѣвушки скажите.
(Припѣвъ.)

Нѣтъ ея, мой духъ терзайся,
Лейтесь слезы, грудь пронзайся!

(Убиваетъ себя изъ пистолета и падаетъ.)

Атаманъ. Кого мы лишились. Приклонскій бурю сокращалъ, корабли остановлялъ, теперь его не стало! Поэтому надо воздать ему послѣдній долгъ, похоронить съ честью. (Вызываютъ попа). Вотъ видишь-ли, кончился нашъ Приклонскій, поэтому отслужи панихиду.

Попъ. Не ври! Мы сейчасъ съ нимъ были вмѣстѣ.

Атаманъ. Говорятъ тебѣ: служи.

Попъ. Требникъ и кадило! (Ему подаютъ). Съ праздникомъ господа?

Атаманъ. Какой-же это праздникъ.

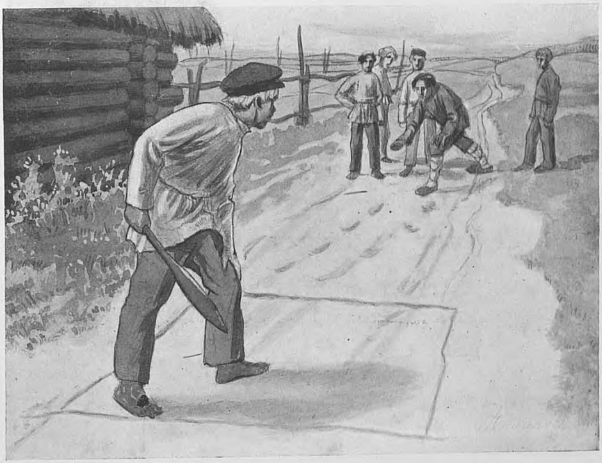
Попъ. А ты уменъ, какъ попъ Семенъ, такъ служи самъ. (Уходитъ).

Кубарь или лѣнивецъ.

Кубарь есть дяревянный цилиндръ въ $1^{1}/_{2}$ вершка длиною, заостренный съ обѣхъ сторонъ. Его вертятъ руками; для этого кубарь берутъ между ладоней и, сдвинувъ быстро одну ладонь впередъ, а другую назадъ, пускаютъ кубарь, давая ему такимъ образомъ вращательное движеніе.. Затѣмъ подстегиваютъ его кнутикомъ, сначала легонько, а потомъ сильнѣе, когда онъ начнетъ вертѣться плавно и не шатаясь. Кнутикомъ служитъ струна или тонкій ремешокъ, а лучше всего кожа угря. Если полъ гладкій, то кубарь можетъ вертѣться очень долго. Когда играютъ двое, то они гоняютъ два кубаря, одинъ противъ другого, пока они не столкнутся и одинъ изъ нихъ не упадетъ. Искусный игрокъ можетъ заставить кубарь выдѣлывать на полу самыя разнообразныя фигуры.

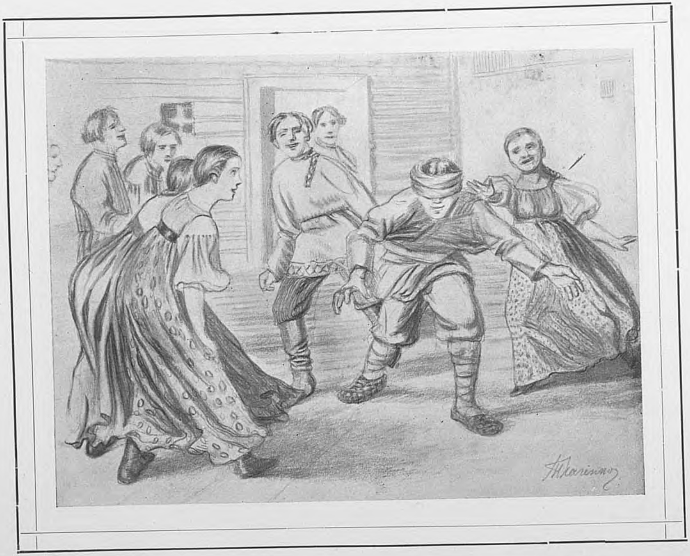
Сарбаканъ.

Сарбаканъ состоитъ изъ палочки въ три четверти аршина и болѣе длины, пустой внутри, какъ чубукъ. Берутъ въ ротъ горошину, шарикъ изъ воску и тому подобное и вложивъ въ ротъ одинъ конецъ сарбакана, вталкиваютъ языкомъ горошину въ этотъ конецъ. Затѣмъ сильно и быстро дуютъ въ сарбаканъ; горошина, увлекаемая движеніемъ воздуха, быстро вылетаетъ изъ другого конца съ такою силою, что можетъ пробить стекло и прорвать листъ натянутой на рамку бумаги. Гвоздикъ, воткнутый въ тряпочку, вырѣзанную звѣздочкой, красиво летитъ и въ тыкается въ цѣль.

Дѣтская игра въ чиргу.

Рисунокъ художника В. Ткаченко.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Дѣтская игра въ имâлки
(Въ Вологодск. губ).

Рисунокъ художника В. Ткаченко.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Стрѣлка.

Стрѣла состоитъ изъ круглой палочки вершковъ шести длиною, въ передній ея конецъ вставляютъ кусокъ заостренной проволоки и обиваютъ струною или крѣпкою тонкою бичевкою, а задній разрѣзаютъ вдоль на крестъ. Затѣмъ берутъ четверть листа бумаги, складываютъ его сначала попаламъ отъ одного угла къ другому противулежащему, а потомъ еще разъ пополамъ, соединяя вмѣстѣ другіе его углы, и по изгибамъ его вставляютъ крестообразно въ разрѣзъ на палочкѣ; такимъ образомъ получаются крылья стрѣлки. Эта стрѣлка служитъ для бросанія рукою въ цѣль.

Метанье копья.

Древко копья дѣлаютъ изъ сухого крѣпкаго дерева, длиною въ 2 или 3 аршина и толщиною 1½ вершка; остріе обивается жестью. Бросающій копье выставляетъ лѣвую ногу впередъ, а на правую опирается, нѣсколько согнувъ ее въ колѣнѣ; самъ же подается назадъ. Схвативъ затѣмъ копье двумя пальцами правой руки, ближе къ острію, приподнимаетъ копье до высоты праваго глаза и, прицѣлившись, бросаетъ копье, лѣвою рукою упираясь въ бедро. Цѣлью можетъ служить кольцо, повѣшанное на веревкѣ, доска съ нѣсколькими отверстіями и пр. Метать копье можно и на бѣгу, но это труднѣе.

Чигра или чижикъ *).

Вырѣзывается деревяшка въ формѣ яйца, но съ заостренными концами и къ ней деревянная же лопаточка. Деревяшка и есть чигра. На землѣ чертятъ квадратъ и въ центрѣ его помѣщаютъ чигру. Передъ

*) Зовется также *чинга* и чигъ.

началомъ игры тотъ, кто успѣетъ всѣхъ раньше крикнуть; „чуръ! мой зачинъ!“ и начинаетъ игру. Другой: „подзачинъ!“ третій: "гузачинъ!“ Закричавшій *подзачинъ* — водитъ. Или же берутъ по очереди лопатку, ставятъ ее на носокъ сапога и подкидываютъ; кто дальше всѣхъ кинетъ, тотъ начинаетъ игру.

Начинающій игру становится съ лопаточкой около чигри, а прочіе идутъ въ поле, т. е. на нѣкоторое разстояніе отъ квадрата. Заранѣе опредѣляется количество стречковъ, т. е. ударовъ по чиргѣ, обыкновенно 10. Когда стоящій въ чертѣ квадрата ударилъ по чиргѣ, и еще успѣлъ поддать ее лопаткой, онъ имѣетъ за собою два удара (два „на руку“). Если кто-либо изъ стоящихъ въ полѣ поймалъ чиргу налету, то идетъ стрекать, а стрекавшій на его мѣсто въ поле. Но если кто не поймалъ, то кто-нибудь беретъ чиргу и бросаетъ ее въ квадратъ. Если чирга упадетъ въ чертѣ квадрата, то попавшій идетъ стрекать, если же внѣ черты, то продолжаетъ стрекать первый. Игра продолжается, сколько заблагоразсудится. Надо замѣтить, что всякій, кто стрекаетъ, если онъ ударилъ по чиргѣ и она не подскочила, то онъ теряетъ всѣ удары, бывшія за нимъ до того.

Въ иныхъ мѣстахъ дѣлается такъ: когда начинающій игру ударитъ по чиргѣ и она взлетитъ, то тотъ, кто водитъ (закричавшій „подзачинъ“). скачетъ на одной ногѣ до мѣста паденія чирги. Если не доскачетъ и остановится, то берутъ чиргу, наставляютъ ее острымъ концомъ въ пятку скакавшаго и ударяютъ лопаткой по чиргѣ, конечно не сильно. Это называется *подковать*.

Игра ожикомъ.

Чертятъ на землѣ кругъ и обтыкаютъ его колышками. Кто постарше, „встаетъ въ матки“, а прочіе попарно ходятъ шептаться, т. е. уговариваются назвать другъ-друга какъ-либо, напр., одинъ называется *казанокъ*, другой *бабка*, подходятъ къ маткамъ и спрашиваютъ: „матка, матка, казанка или бабка?“ Матка отвѣчаетъ то или другое. Кого угадаетъ, тотъ

остается у нея въ партіи, а другой идетъ къ другой маткѣ; такъ и прочіе. Тогда матки кидаютъ между собой жребій, которой партіи идти въ кругъ, которой остатся „позакругу". Оставшіеся за кругомъ отходятъ, кто-нибудь изъ нихъ беретъ мячъ и прячетъ его подъ полу. Другіе тоже суютъ руки подъ полу, что бы не узнать у кого находится мячъ, идутъ къ кругу и ходятъ кругомъ, а тѣ, кто въ кругу, повертываются, что бы въ нихъ не попалъ мячъ. Наконецъ, тотъ, у кого мячъ, кидаетъ въ кого-либо стоящаго въ кругу и всѣ бѣгутъ прочь. Осташіеся въ кругѣ стараются попасть мячемъ въ кого-либо изъ бѣгущихъ. Если попадутъ, то тотъ, въ кого попало, отходитъ въ сторону и садится, такъ какъ онъ *выжженъ*, если же „мимнутъ", то изъ круга выходитъ тотъ, въ котораго попали пришедшіе, бросившій-же остается въ кругу. Такъ игра продолжается до послѣдняго *выжига*. Когда выжгутъ всѣхъ стоявшихъ въ кругу, то эта партія вторично становится въ кругъ, если же выжили всѣхъ бывшихъ за кругомъ, то эта внѣшняя партія становится въ кругъ.

Еги-баба.

Одинъ встаетъ на городокъ (верхняя площадка взъѣзда у избы) и кричитъ: еги-бабѣ! а стоящіе внизу у взъѣзда спрашиваютъ: чего, дядя? тотъ отвѣчаетъ: придай руки! Тѣ спрашиваютъ: на чьи боки? Еги-баба, т. е. стоящій на городкѣ, указываетъ на кого-либо, тотъ и долженъ взбѣжать по взъѣзду на городокъ. Еги-баба кричитъ: ѣсть хочу! Взбѣжавшій возвращается внизъ, гдѣ его встрѣчаютъ кулаками и гонятъ наверхъ, продолжая бить, затѣмъ сганиваютъ кулаками еги-бабу.

Луны.

Каждый для себя выкапываетъ лунку, всѣ по прямой линіи. Съ обѣихъ сторонъ лунокъ паралельно имъ кладутъ по ботожку, чтобы мячъ не откатывался въ сторону. Начинающій игру катитъ мячъ и въ чью лунку мячъ закатится, тотъ хватаетъ его и бросаетъ въ кого-нибудь изъ играющихъ. Если попадетъ, всѣ бѣгутъ прочь, а тотъ въ кого попало, хватаетъ мячъ, бѣжитъ и бьетъ въ кого угодно. Если попадаетъ, тотъ въ свою очередь бросаетъ въ кого попало и т. д., если же *мимнетъ*, т. е. промахнется, то на немъ считается *копѣйка*, а мячъ хватаетъ, кто захочетъ, возвращается къ лунамъ и снова катитъ. Такимъ образомъ продолжаютъ игру, пока на кого-нибудь не нагонятъ пять копѣекъ. Накого нагнали, тотъ беретъ мячъ и кидаетъ его между ногъ назадъ отъ себя столько разъ, сколько игроковъ, а тѣ хватаютъ мячъ поочередно и ударяютъ имъ бросавшаго. Кто промахнулся, тотъ больше не бьетъ, а кто попалъ, тотъ имѣетъ право ударить въ бросавшаго еще четыре раза.

Пыжикъ или муха.

Въ землю вбивается накось доска; свободный конецъ ея отстоитъ отъ земли на аршинъ; на край торчавшаго конца доски кладется пыжикъ—палочка съ зарубкой; вокругъ доски чертится кругъ. Играющіе становятся на кругъ и съ носка сапога кидаютъ колъ. Чей колъ упадетъ всѣхъ дальше, тому начинать; прочіе идутъ въ „поле“. Начинающій ударяетъ по пыжику палкой и пыжикъ взлетаетъ. Стоящіе въ полѣ стараются ударить его коломъ и т. д.

Должки.

Игра завущаяся въ другихъ мѣстахъ *Пятнашками*. Тотъ, кому пришлось *водить*, бѣгаетъ за остальными и старается хлопнуть рукой котораго нибудь. Если попадетъ, то получившій должокъ, замѣняетъ его, и т. д.

Корова.

Въ Кадниковскомъ уѣздѣ зовется *золотцо*; состоитъ въ томъ, что замершій на дорогѣ коневой или коровій калъ подкидываютъ ногой, стараются подкатить кому нибудь подъ ноги и въ тоже время ударить по ногѣ, чтобы онъ упалъ.

Имадки.

Играютъ въ избѣ. Одинъ подходитъ къ печкѣ и дотрагивается до устья суставомъ пальца, чтобы замарать его сажей. Затѣмъ согнувши кисть руки, чтобы не было видно запачканнаго сустава, подходитъ къ кому нибудь и предлагаетъ угадать, который суставъ запачканъ. Кто попадетъ на запачканный суставъ, тому и ловить. Ему завязываютъ глаза, ведутъ къ двери и спрашиваютъ: гдѣ стоишь?—Онъ отвѣчаетъ: у скобы. — Что продаешь? — Щи да квасъ.—Ну, такъ ищи три года насъ. Затѣмъ всѣ разбѣгаются, а завязанный, раскинувъ руки, идетъ впередъ и старается поймать кого-нибудь.

А. Е. БУРЦЕВЪ.

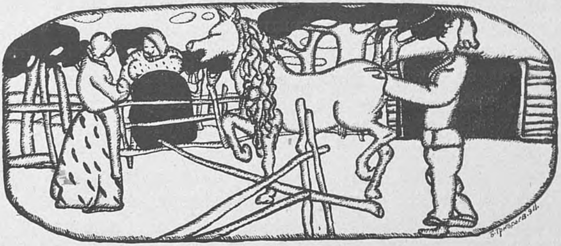
Шуточныя и прибауточныя пѣсни русскаго народа.

Съ рисунками художника Б. Д. ГРИГОРЬЕВА.

Выпускъ первый.

Мы коновальщики,
Мы не обманщики —
Изъ моря воду пивали,
Съ камней лычье дирали;
Мы лекари,
Мы аптекари —
Лечимъ на славу
Хоть Ѳому, хоть Саву,
Мы въ деньгахъ паримъ
Мы въ банькахъ жаримъ:
Въ баню на ногахъ,
А изъ бани на дровняхъ.

Шутки-Прибаутки и забавы.

Небылицы.

ЛѢСНИКИ.

Двумъ лѣсникамъ пришлось ночевать въ лѣсу. Они увидали огонь. Одинъ изъ нихъ пошелъ къ этому огню и у видалъ тамъ старика, который лежалъ около костра.

Лѣсникъ сталъ просить у старика огня. А старикъ ему и говоритъ:

— Скажи небылицу, такъ дамъ тебѣ огня.

Лѣсникъ согласился, присѣлъ къ костру и сталъ сказывать небылицу.

— „Насъ было сорокъ братьевъ, — началъ разсказывать лѣсникъ. — Всѣ сѣли на сиваго коня, на которомъ было сорокъ пѣжинъ; на каждой пѣжинѣ сидѣлъ братъ. У средняго, сидѣвшаго въ серединѣ, былъ за поясомъ топоръ. Хлесталъ, хлесталъ онъ имъ своего коня и разрубилъ его пополамъ. Передняя часть и ушла отъ задней.

Потомъ я услышалъ, что на небѣ скотъ очень дешевъ. Я пошелъ туда, но оттуда не знаю какъ сойти. Тогда я сталъ бить скотъ, изъ кожи шить ремешки и по этимъ ремешкамъ сталъ спускаться. Но ремешковъ-то не хватило. Я спустился у деревни противъ гумна. На томъ гумнѣ крестьянинъ вѣялъ овесъ. Я мякину-то сталъ хватать да вить веревку, а потомъ, когда близко стало, я упалъ на гумно. Мужикъ испугался и убѣжалъ".

— Вотъ тебѣ и небылица, — сказалъ лѣсникъ старику.

Старикъ далъ ему огня и онъ ушелъ.

О приключеніяхъ съ охотниками.

Въ одномъ домѣ жилъ дѣдушка Макаръ съ женой Варварой. У нихъ было два сына. Они занимались охотой. Однажды дѣдушка отправился съ своими сыновьями на охоту и, проходивъ весь день до самаго вечера, они набили порядочно кой-какого звѣрья. Наступила ночь. Они расположились ужинать. Вдругъ къ нимъ на огонь выходитъ звѣрь. Дѣдушка Макаръ взялъ ружье и выстрѣлилъ въ звѣря. Звѣрь свалился. Охотники сняли съ звѣря шкуру и повѣсили ее на древесину, а туловину они отбросили далеко въ сторону. Только что оно упало на землю, какъ вдругъ вскочило на ноги и словно живое побѣжало въ лѣсъ.

Сдивился такому чуду дѣдушка Макаръ и говоритъ своимъ сыновьямъ:

— Какъ это могло случится: шкуру со звѣря сняли, а туловино побѣжало?

— Нѣтъ, это что еще за диво, — отвѣчаетъ ему старшій сынъ, вотъ у дѣдушки Герасима было такъ дѣйствительно большое диво.

У дѣдушки Макара разгорѣлось любопытство и ему страсть какъ захотѣлось узнать, что это было за диво такое у дѣдушки Герасима. И онъ рѣшилъ идти къ нему немедленно: — „Хоть и далеко живетъ Герасимъ, — разсуждалъ онъ самъ съ собою, — а все-таки пойду къ нему, узнаю, что это за диво такое у него было".

Дѣдушка Макаръ отправился въ путь. Шелъ онъ два дня и только на третій дошелъ до Герасима. Зашелъ въ домъ. За столомъ сидитъ дѣдъ Герасимъ, бородка порядочная, а усиковъ нѣтъ.

— Вотъ, дѣдушка Герасимъ, — сказалъ Макаръ, — я до тебя пришелъ.

И онъ разсказалъ ему о случившемся.

А дѣдъ Герасимъ и говоритъ ему:

— Вотъ, Макаръ, и у меня было диво. Я тоже самъ охотникъ, этимъ занимаюсь. Ходили мы это въ лѣсъ. Проходили день до вечера, какъ и вы. Стали ужинъ варить. только что огонь разложили, — подходитъ къ намъ чертъ и говоритъ:

— Дядя Герасимъ, я ѣсть хочу.

А я ему отвѣчаю:

— Чего ѣсть? Мы что сварили, то сами выхлебали.

Чортъ все свое твердитъ: ѣсть хочу.

— На, вотъ, бери тогда собаку, — сказалъ ему.

Только ноги промелькнули собачьи — чортъ вмигъ ее слопалъ опять за старое;

— Герасимъ, я ѣсть хочу.

— Ну, когда бери другую, — сказалъ я ему.

Сожралъ чортъ и другую и снова твердитъ.

— Герасимъ, я ѣсть хочу.

— На, вотъ, бери сына, отвѣтилъ я.

Чортъ съѣлъ моего старшаго сына, а потомъ убралъ и младшаго. И все-таки ему окаянному мало: знай, твердитъ свое: „Герасимъ, я ѣсть хочу". Я подалъ ему ружье. Только сбрякнуло ружье, сожралъ чортъ и его. Я остался одинъ. Проходитъ съ часъ времени. Вдругъ поднялась сильная буря и чортъ подкатилъ ко мнѣ на тройкѣ и говоритъ;

— Садись, дядя Герасимъ.

Я и думаю про себя: сѣсть — не ладно, да и не сѣсть — тоже не ладно. Взялъ и сѣлъ. Опять задулъ вѣтеръ и поднялся сильнѣйшій вихорь; деревья такъ и гнутся. Я одной рукой держался за шапку, а другой за телѣгу. Долго каталъ меня чортъ по лѣсу, а потомъ и говоритъ.

— Видишь, дядя Герасимъ, вонъ ту деревину?

— Вижу, — отвѣчаю я.

— Держись — говоритъ — за эту деревину. Если не удержишься, то не бывать тебѣ больше на родинѣ.

И вотъ, какъ только доѣхали до этого дерева, я и ухватился за него руками. Чортъ ускакалъ, а я остался висѣть на деревѣ. Держаться было очень трудно, а спуститься внизъ страшно. Да къ моему счастью ночь была такая лунная да свѣтлая. Я и давай глядѣть да поглядывать. Глядѣлъ это я, глядѣлъ да вдругъ и увидалъ на печи свою старуху. Потомъ оглядѣлъ и своихъ сыновей — спятъ они со своими женами, какъ и всегда. Далѣе вглядываюсь — лежатъ у дверей и собаки, и ружье цѣло виситъ, какъ ни въ чемъ не бывало, на стѣнѣ. Я и закричалъ свою старуху: „Эй, старуха!" Старуха встала,

освѣтила избу. Я отъ воренца оцѣпился, сѣлъ на лавку, сыновей разбудилъ и говорю:

-- Что это со мною случилось?

-- Не знаемъ,—отвѣчаютъ сыновья,—какъ ты тутъ очутился. Вчерашняго дня мы пошли одной дорогой, а ты ушелъ другой и домой не являлся.

Я разсказалъ сыновьямъ о своемъ событіи, что со мною случилось.

-- Навѣрно надъ тобой чортъ подшутилъ,—сказали сыновья.

Не быль небылица.

Жилъ былъ крестьянинъ; у него было три сына: первый Федоръ, другой Андрей, а третій Иванъ дуракъ. Вздумали они въ Петровку идти на лыжахъ промышлять, день шли, потомъ пристигла ихъ ночь; вздумали они ночевать, Иванъ дуракъ спросилъ своихъ братьевъ, есть ли у нихъ огниво, они ему сказали, что нѣтъ. Говорилъ онъ одному, залѣзти на лѣсину и смотрите нѣтъ ли гдѣ огня; большой братъ залѣзъ и увидѣвъ въ одномъ мѣстѣ огонь, стустился—пошелъ за нимъ. Пришелъ къ избушкѣ, тутъ сидитъ старикъ, поздоровался онъ съ нимъ и спросилъ: дѣдушка дай ко мнѣ огня, старикъ ему проговорилъ, если ты скажешь мнѣ не быль небылицу, да третью враницу (ложь), такъ дамъ огня.

Потомъ онъ сталъ ему врать, а старикъ давай ему изъ спины ремень драть, огня ему не далъ, отпустилъ назадъ къ братьямъ, пришелъ онъ къ нимъ безъ огня и сказалъ, что не могъ его найти, а не сказалъ что съ нимъ старикъ сдѣлалъ. Средній братъ залѣзъ на дубъ и увидалъ огонь, какъ и прежній, спустился и пошелъ; старикъ съ нимъ тоже сдѣлалъ, какъ и съ большимъ братомъ. Напослѣдокъ

Иванъ дуракъ залѣзъ на лѣсину увидалъ огонь и говорилъ братьямъ: ахъ вы глупые, огонь то дома, а вы не могли найти, пошелъ самъ, пришелъ къ старику и просилъ огня; старикъ ему сказалъ: разскажи мнѣ не быль небылицу, да третью враницу, Иванъ дуракъ сказалъ: слушай же старикъ.

Было у насъ съ батюшкомъ 40 братьевъ съ братомъ, батюшка пятый и я четвертый; и у насъ была сороко-пѣгая кобыла, каждый годъ по 41 жеребенку носила и мы въ одно время вздумали сѣно покосить, поѣхали на покосъ, осѣдлали себѣ всякій по пежинѣ, а моя пежина была всѣхъ ниже, я и ее сѣдалъ; пріѣхали на покосъ натočили свои косы, начали косить, косили много время, а прибыли у насъ никакой не было. Я же хотя и малъ, но былъ догадливый, взялъ надергалъ у кобылы изъ хвоста волосьевъ, наскалъ плѣницъ, разставилъ ихъ по покосу, наловилъ множество звѣрей и птицъ, извязалъ имъ ко хвостамъ косы, началъ гонять по покосу, они бѣгали и всю траву намъ скосили, потомъ начали грести и тутъ прибыли въ работѣ не было. Я взялъ срубилъ изъ лѣсу срубъ, настлалъ полъ, сталъ въ его доить кобылу, надоилъ полонъ срубъ молока, оно скоро осѣлось и сдѣлась творогомъ; я этотъ творогъ взялъ да и сбросалъ по кошенинѣ. Налетѣло на его всякихъ птицъ, онѣ клевали творогъ и сѣно таскали въ кучу, напослѣдокъ смѣтали мы сѣно, осѣдлали всякъ свою пежину, поѣхали домой, пріѣхали ко ключу, надо было поторопиться, переднюю то лошадку подстегнули, а заднюю задержали, кобылушка то порвалась. Я же хотя былъ малъ, да догадливъ, взялъ содралъ таловое лыко до быка ей и сшилъ, а въ свою пежину кялъ заколотилъ, осѣдлать то мнѣ и некого, потому то я и пришелъ къ тебѣ за огнемъ обогрѣться.

Ну я сказалъ тебѣ небылицу, да слушай и враницу. Домой то какъ мы пріѣхали, а у насъ безъ насъ матушка растряслась и батюшку принесла, онъ не крещенъ, не молитвенъ, я хотя былъ малъ, да догадливъ, пошелъ за священникомъ, веду его и думаю про себя, чѣмъ я его накормлю. Увидѣлъ въ сторонѣ дупло и въ немъ сычатъ, залѣзъ я на него, поймалъ сычатъ, склалъ въ пазуху, сталъ вылазить изъ дупла, вылѣзти то и не могу, долженъ былъ итти домой за топоромъ.

Сходилъ, принесъ топоръ, вырубилъ дыру и вылѣзъ изъ дупла, пришелъ домой съ сычатами, отдалъ ихъ матери и велѣлъ сварить изъ нихъ похлебку, потомъ думалъ, чѣмъ я буду пропитывать 40 братьевъ съ братомъ; пошелъ я улицей, идетъ мнѣ навстрѣчу старикъ, спросилъ я его, отколь ты старикъ? онъ мнѣ сказалъ, изъ за моря, что все тамъ дорого и дешево; а за моремъ сказалъ онъ, коровы дешевы, а мухи дороги. Если муха съ мушенкомъ, такъ даютъ корову съ теленкомъ, ежели же большая муха, то и цѣны ей нѣтъ; я былъ хотя малъ, да догадливъ, купилъ съ безмѣнъ меду, принесъ въ избу, намазалъ свои стѣны, отворилъ двери, налетѣла полна изба мухъ; наловилъ я ихъ 3 мѣшка, потомъ пришелъ съ ними къ морю, взялъ 2 мѣшка подъ пазухи, а третій мѣшокъ въ ноги, какъ кишкнулъ ихъ, мухи поднялись и полетѣли за море, на нихъ я и перелетѣлъ. Сталъ ими торговать и скота набирать; накупилъ я скота много множество, пригналъ къ морю, оно на ту пору стало, перегналъ я на свою сторону скота, потомъ сталъ мѣшки складывать, увидѣлъ въ нихъ муху да мушонка и одну большую зеленую муху, воротился назадъ, взялъ за ихъ корову съ теленкомъ и большого быка, пригналъ къ морю, оно страшно, тутъ то я и подумалъ, однако взялъ наперво теленка за хвостъ, размахалъ его и перебросилъ въ стадо, также и корову, теперь что дѣлать съ быкомъ, силы мало, перебросить нельзя, вырубилъ большую дубину, да нутко его драть, быкъ съ того побуду, кинулся въ море, а я поймался ему за хвостъ, и такъ хорошо онъ меня перетянулъ къ стаду, что я все это ровно не видалъ.

Потомъ погналъ скота домой, сталъ его бить, кожи сдѣлалъ, а продать ихъ было некому. Послушай же старикъ еще и небылицу. Въ одно время я вышелъ за дворъ и идетъ мимо старикъ, я его спросилъ: откуда ты идешь? онъ мнѣ сказалъ, что съ небесъ; скажи мнѣ что тамъ дорого, и что дешево; онъ мнѣ сказалъ: тамъ дорогъ шибко обувь, всѣ обносились и ходятъ босякомъ. Искроилъ я свои кожи, нашилъ много черковъ, потомъ нагребъ 3 мѣшка овсянной пелевы, взялъ два мѣшка подъ пазухи, а третій межъ ногъ. Поднялась большая погода и на мѣшкахъ меня подняло на небо; всѣхъ я тамъ обулъ, одному черковъ и не достало, что я доволенъ дѣлать, кожа есть, а иглы, шила и вервей нѣтъ; сжалился я надъ послѣднимъ, взялъ

завернулъ его въ кожу, остальныя кожи изрѣзалъ на ремни и сталъ по нимъ спускаться, до земли то ихъ и не достало; долженъ былъ я опуститься и упалъ въ болото, потонулъ до ушей, долго время тутъ сидѣлъ. Напослѣдокъ ко мнѣ повадилась утка вить на головѣ гнѣздо, свила его наносила яицъ; узнала про то лисица, стала похаживать яицы ѣсть; въ одно время потащила изъ гнѣзда яйцо, я ее поймалъ за хвостъ, закричалъ, лисица испугалась, кинулась и осталась, въ рукахъ шкура, а мясо убѣжало. Вскорѣ послѣ того и волкъ провѣдалъ про утячье гнѣздо, бывшее на моей головѣ, пришелъ покушать яичекъ, потащилъ одно, я же не оробѣлъ, поймалъ его за хвостъ и кричалъ сколько есть мочи; волкъ испугался, кинулся спрыти и выдернулъ меня изъ болота, шкура его осталась у меня въ рукахъ а мясо убѣжало. Потомъ спросилъ старика, доволенъ ли ты разсказомъ небыли небылицы и 3-й враницы. Старикъ ему сказалъ: доволенъ, я толковать много не любилъ; Иванъ взялъ у старика обрѣзалъ уши, руки и ноги, а самъ отравился къ своимъ братьямъ, пришелъ къ нимъ и сказалъ: ну братцы будетъ промышлять, пойдемте ка домой, да лучше станемъ работать, ушли и за работу принялись. И такъ поживаютъ теперь благополучно.

Повѣсть о пѣтухѣ красномъ и лисицѣ прекрасной.

Зѣло удивительно: шла же лисица изъ дальнихъ пустынь; завидѣвши пѣтуха на высоцемъ древѣ, говоритъ ему ласковыя словеса: о, милое мое чадо, пѣтелъ!—сидишь ты на высоцемъ древѣ, да мыслишь ты мысли недобрыя, прокляты; вы держите женъ по многу,—кто держитъ десять, кто двадцать, инный тридцать, пребываетъ со временемъ до сорока; гдѣ сойдетесь, тутъ и деретесь о женахъ своихъ, какъ о наложницахъ. Сниди, мое милое чадо, на землю да покайся! Я шла изъ дальнихъ пустынь, не пила, не ѣла, много нужды претерпѣла,—все тебя, милое чадо, исповѣдать хотѣла...—О, мати моя, лисица! я не постился и не молился; приди въ инное время.—О, милое мое чадо, пѣтелъ! Не постися и не молися, но да не въ грѣхахъ умреши. Сниди

на землю, покайся! — О, мати моя лисица—сахарныя уста, ласковыя словеса, льстивой твой языкъ! Не осуждайте другъ друга и сами не осуждены будете. Кто что посѣялъ, тотъ то и пожнетъ. Хочешь ты меня силой къ покаянію привести, но не спасти, а тѣло мое пожрать...—О, милое мое чадо, пѣтелъ! пошто ты такую рѣчь говоришь! пошто я учиню такъ? Читывалъ ли ты причту про мытаря и фарисея, какъ мытарь спасся, а фарисей погибъ за гордость? Ты, мое милое чадо, безъ покаянія на высоцемъ древѣ погибнешь... Сниди на землю пониже, будешь къ покаянію ближе, прощенъ и разрѣшенъ и до спасенія допущенъ... Узналъ пѣтухъ на своей душѣ тяжкой грѣхъ, умилился и прослезился и сталъ спускаться съ вѣтки, на вѣтку, съ прутка на прутокъ, съ сучка на сучокъ, съ пенька на пенекъ... Спустился пѣтелъ на землю, сѣлъ передъ лисицу... Скочила лисица, аки лукавая птица, схватила пѣтуха въ свои острые когти, зритъ на него свирѣпыми глазами, скрежещетъ острыми зубами, хочетъ, какъ нѣкоего беззаконника жива пожрать! Рѣче пѣтелъ лисицѣ: о, мати моя, лисица—сахарныя уста, ласковыя словеса, льстивой твой языкъ! ты-ли меня спасешь, какъ тѣло мое пожрешь?—Не дорого твое тѣло и цвѣтное платье, да дорого нѣкую отплатить дружбу. Помнишь ли ты: шла я ко крестьянину, хотѣла малаго куренка съѣсть, а ты, дуракъ, бездѣльникъ, сидишь на высокихъ сѣдалахъ—закричалъ, завопилъ веліимъ гласомъ, ногами затопалъ, крыльями замахалъ... тогда курицы загоготали, гуси заговорили, собаки залаяли, жеребцы заржали, коровы замычали, услыхали всѣ мужики и бабы. Бабы прибѣжали съ помелами, а мужики съ топорами, и хотѣли мнѣ за куренка смерть учинить. У нихъ сова не изъ роду въ родъ пребываетъ, а всегда курятъ поѣдаетъ. А тебѣ, дуракъ, бездѣльникъ!—не быть теперь живому! Рѣче пѣтухъ лисицѣ: о, мати моя, лисица—сахарныя уста, ласковыя словеса, льстивой твой языкъ!—Вчерашняго числа звали меня къ трунчинскому м . . . . . въ дьяки, выхваляли всѣмъ крылосомъ и соборомъ: „хорошъ молодецъ, изряденъ; гораздъ книги читать, и голосъ хорошъ“... Не могу ли тебя, мати моя, лисица, упросить своимъ прощеньемъ хоть въ просвирни? Тутъ намъ будетъ великъ доходъ: станутъ намъ давать сладкія просвиры, большія перепечи, и масличко, и яички, и сырчики... Узнала лисица пѣтушиный привнакъ, отпустила пѣтуха изъ своихъ когтей полслабже... Вырвался пѣтухъ, взлетѣлъ на высокое древо, закричалъ за-

вопилъ веліимъ гласомъ: „дорогая боярыня, просвирня, здравствуй! Великъ ли доходъ? Сладки ли просвиры? Не стерла ли горбъ, нося перепечи? Не охоча ли, ворогуша, до орѣховъ, да есть ли у тебя зубы?...“ Пошла лисица въ лѣсъ, яко долгой бѣсъ и возрыда горько. Столько-де я по землѣ не бывала, а такой срамоты отъ роду не видала!... Когда бываютъ пѣтухи въ дьяконахъ лисицы—въ просвирняхъ?... Ему же слава и держава, отнынѣ и до вѣку.... и сказкѣ конецъ!

(См. „Пермскій Сборникъ“ 1859 г.—записано со словъ 90-лѣтняго старика, отставнаго мастероваго Мотовилихинскаго казеннаго завода, Петра Сидоровича Казакова, докторомъ Питерскимъ).

Сварба Сыча.

Всѣ гости сошлись — собрались.
Одну совушку насилу дождались.
Пришла же сова — Елизарова кума,
Сѣла же сова на печной на столбъ.
Сычушка по полу похаживаетъ,
Стаканъ наливаетъ да совѣ подаетъ.
— Ужъ ты выпей-ка Сова Елизаровна!
— Не потчуй Сычь Афанасьевичъ!
А что же ты, Сычушка, не женишься?
— Радъ бы я жениться — невѣсты нѣтъ.
Взялъ бы я ворону -- да тетушка,
Взялъ бы я галку — да божатушка,
Взялъ бы я сороку — щекотлива сука б . . . . дь.
— Возьми-ко ты, Сычушка, меня за себя?
Да умѣешь-ли ты, Совушка, ткать да прясть?
— Я не тку, не пряду, да не нага хожу.
А умѣешь-ли ты, Сычушка, пашеньку пахать,
Пашеньку пахать, въ полѣ хлѣбъ засѣвать?
Въ городѣ не пашутъ, да калачики ѣдятъ.
А въ деревнѣ-то орутъ, да все мякинушку жрутъ.

(Замошской вол., Кадниковскаго уѣзда).

— Сколько тебѣ лѣтъ?
— Сколько вчера было — того нѣтъ.
Подъ столомъ ходила —
Хвостъ носила,
Столъ переросла —
Коровъ доить пошла.
Косу отпустила —
Въ работницахъ служила.
Пора настала —
Съ молодцомъ гуляла,
Пора прошла —
Замужъ пошла;
Замужемъ двадцать лѣтъ жила, —
Тяжко горюшку несла.
Овдовѣла — осиротѣла.
Вотъ тебѣ и весь сказъ!
А когда родилась: —
Память извелась.

— Братъ здорово! — Брату челомъ! — Ты, братъ, откolѣ? — Я изъ Ростова. — А что, говорятъ, въ Ростовѣ-то архіерей женится? Вчерась я пошелъ, случилось мнѣ мимо ростовскаго архіерейскаго дома идти: стоятъ кареты смазаны, свиньи запряжены, хвосты подвязаны. Засвистали, поѣхали, не знаю куда. — А что, говорятъ, въ Ростовѣ бабы-то пшеницу на печку посѣяли? — Вчерась я пошелъ, сегодня пришелъ, случилось мнѣ мимо ростовскихъ печей идти — жнутъ бабы пшеницу. — А что, говорятъ въ Ростовѣ-то озеро сгорѣло? — Случилось мнѣ мимо Ростовскаго озера идти: щука да караси по лугамъ, язи по елямъ, а плаваетъ ершишка-голышка, глазенки покраснѣли, перышки подгорѣли.

Отчего казакъ гладокъ?
Отъ того казакъ гладокъ: —
Поѣлъ казакъ, — да и на бокъ.
Заботушки никакой
У головушки не ропчетъ
И у сердечушки не топчетъ.

— Братъ здорово! — Брату поклонъ. — Ты, братъ, отколѣ? — Я, братъ, съ базара. — Что на базарѣ? — Возы-то по возамъ, а деньги-то по мошнамъ. — А ты, братъ, чего купилъ? — Рѣшето гороху. — Это, братъ, добро. — А добро, да не больно. — А что? — Сталъ высыпать, да просыпалъ. — Это, братъ, худо. — А худо, да не больно. — А что? — Сталъ огребать, да четверикъ нагребъ. — Это, братъ, добро. — А добро, да не больно. — А что? — А посѣялъ, да рѣдокъ. — Это, братъ, худо. — А худо, да не больно. — А что? — А рѣдокъ, да стручистъ. — Это, братъ, добро. — А добро, да не больно. — А что? — А причила попова тарлыга да все и съѣла.

Наша водка вину тетка,
Раздеретъ глотку —
И пьетъ водку.

Здорово, братъ, Пантюха! — Здорово, братъ, Сидорка! — Все ли у насъ дома-то поздорово? — А все бы, братъ, поздорово, да одно, братъ, не здорово. — А что же? — Да вѣдь старшаго брата повѣсили? — За что его повѣсили? — Да за шею. — Да въ чемъ его повѣсили-то? — Въ старомъ будничномъ кафтанѣ. — Да за какую винищу-то? — Походилъ въ церковницу, укралъ книгу стихарницу, махарницу, книгу хлопотурницу. И это-то все-бы еще ничего, да лѣшій сносилъ на колоколицу, и спихнулъ тамъ кыркуна. — Вы Ивана-то Семеновича просили-бы. — Мы и то его просили и ягодъ и прусницы носили, да не беретъ.

О ершѣ.

Было у насъ такое толкованье,
О чудномъ ершѣ милованье,
Ершъ побился, нанизъ спустился.
Домъ бранилъ, жену ругалъ,
Дѣтей въ закладъ закладывалъ.
Было у него 77 бѣсенковъ,
77 еретиченковъ.
Перваго звали Фирсочкой,
Другого то звали Борисочкой,
Третьяго Нечунаечкомъ,
А четвертаго то Легостаечкомъ.
Налимъ пыхтунъ едва ворочатся;
Взмолился онъ Ельцу молодцу,
Ахъ ты Елецъ молодецъ,
Ты выгони мелкую рыбу мулей.
Трои погоршани пусти въ мой домъ.
У меня лобъ широкій, языкъ короткій
А на спинѣ самосадные парусы становятся.

Колю, колю за быстру рѣку
За нѣмецкую слободу,
Стали переговорили, огнивцы переломили,
За быстру рѣку бросились.
На ту пору кривой сынъ,
Сотникомъ служилъ.
Кинулся по водамъ и озерамъ,
Нашелъ ерша въ самой глубинѣ.
Подходилъ ершъ къ царю съ жалобой,
И началъ ее разсказывать.
Было у меня озеришко,
Въ озеришкѣ былъ дворишко,
Во дворишкѣ были кораблишки.

Въ кораблишкахъ были письма, грамотки,
Всѣ деревенскія крѣпости.
На кого же ты ершъ ссылаешься?
Я ссылаюся на бѣлую рыбу окуня;
Еще на кого же ершъ ссылаешься?
А ссылаюся на бѣлую рыбу чебока.
Еще же ты ершъ на кого ссылаешься?
Мнѣ ненакого болѣ ссылаться.
Ссылаюся на зятя своего плута варвора,
На чернаго ворона на пескуша.
Судите же эти слова праведно;
Эти слова ему не поглянулися,
По рядамъ его водили и плетьми выбили.
Подводили подъ колокольню, ударили —
Въ башню 33 удара,
Откнутили и въ Волгу рѣку отпустили.
Услышали же царскія рыбаки,
Раскинули шелковыя невода.
Ершъ хитеръ, ершъ мудеръ, ершъ съ кормы,
Ершъ въ корму, есть и самъ ершъ въ кормѣ.
Ахъ вы царскіе рыбаки,
Выньте изъ меня 3 пуда жиру,
Откнутите изъ неволи, въ Волгу рѣку, —
Отпустите.

Пришелъ Елизаръ,
Колья потесалъ.
Пришелъ Аника,
Колья потыкалъ.
Пришелъ Оверша,
Заломилъ вершу.
Пришелъ прохожій,
Заткнулъ рогожой.
Пришелъ выборный,
Рогожу выдернулъ.
Пришелъ Богданъ,

Ерша Богъ далъ.
Пришелъ Пимонъ,
Ерша вынулъ.
Пришелъ Елеса,
Взвалилъ ерша на колеса.
Пришелъ Абрамъ,
Отнесъ ерша въ амбаръ.
Пришелъ сосѣдъ,
Покинулъ ерша въ сусѣкъ.
Пришелъ Пимонъ,
Ерша изъ сусѣка вынулъ.
Пришла Арина,
Избу закурила.
Пришла Аленка,
Принесла соли солонку,
Пришла Анютка,
Принесла хлѣба краюшку.
Пришелъ Юда,
Расклалъ ерша на 4 блюда.
Пришелъ Якуша,
Ерша покушалъ.
Пришелъ Яковъ,
Ерша смякалъ.
Пришелъ Потапъ,
Ну ерша топтать.

СОБРАНІЕ МАТЕРІАЛОВЪ

ПО ЭТНОГРАФІИ СѢВЕРНАГО КРАЯ.

Александра Евгеніевича Бурцева.

Выпускъ первый.

Присказка. Заказывается сказка, разливается по печи кашка; сквозь печь капнуло, въ горшокъ ляпнуло; течи, потечи, идетъ добрый молодецъ изъ-за печи на свиньѣ въ сѣдлѣ, топоромъ подпоясался, ноги за поясомъ; квашня старуху мѣситъ. Я ей сказалъ: спорынья въ старуху! Она какъ схватитъ изъ за лопаты печь, меня печью хлесь; я побѣжалъ, черезъ портки приступокъ и изорвалъ.

Матеріалы по этнографіи Россіи.

Александра Евгеніевича Бурцева.

Барскій охотникъ.

Когда было еще крѣпостное право и крестьяне жили за господами, въ то самое время былъ взятъ одинъ охотникъ бариномъ къ себѣ во дворъ.

И дано было порученіе ему только ходить за охотою, больше съ него ничего не спрашивалось.

Вотъ въ одинъ прекрасный день, когда солнце уже высоко взошло на небо, онъ бродилъ по лѣсу, присматривая дичь. Онъ дошелъ до дуплистаго дерева, на которомъ замѣтилъ чье-то гнѣздо. И въ немъ появилось любопытство узнать, чье бы это было гнѣздо. Онъ немедля ни минуты, взлѣзъ на дерево — и что же онъ, къ своему удивленію видитъ: въ немъ три штуки золотыхъ яицъ.

Онъ рѣшился ждать, чтобы во что ни стало, но убить чудную птицу. Не прошло и часу времени, какъ летитъ птица необыкновенной красоты и садится прямо въ гнѣздо. Онъ взвелъ курокъ и сталъ цѣлиться. Вдругъ раздался выстрѣлъ. Обливаясь кровью, птица повалилась на землю. Онъ съ радостью подошелъ къ ней и взялъ ее

въ руки. И что же, къ своему удивленію увидалъ! На ней золотыми буквами написано слѣдующее: „кто съѣстъ голову, — тотъ будетъ царемъ; а кто съѣстъ ноги, — тотъ будетъ плевать золотомъ“.

Онъ принесъ эту птицу барину и подалъ ему въ руки. Баринъ посмотрѣлъ на нее, но ничего не сказалъ, а только велѣлъ вычистить, изжарить и подать ее ему на завтракъ.

Онъ взялъ эту птицу отъ барина и пошелъ къ себѣ на кухню. Тамъ его уже ждала жена и двое дѣтей, которыхъ онъ имѣлъ: Иванъ и Александръ.

Когда жена увидѣла, что онъ несетъ птицу и велитъ ей жарить, то сказала:

— Сколько времени ты охотишься, но не дашь своимъ дѣтямъ отвѣдать дичи. Пусть хоть съѣдятъ они отъ нея — одинъ голову, а другой — ноги.

Мужъ согласился. И вотъ, когда уже совсѣмъ ожарили птицу, то Ивану отдали ея голову, а Александру — ноги, а остатки были снесены барину.

Какъ только баринъ увидалъ, что птица такъ обрѣзана, то спросилъ охотника:

— А кто же съѣлъ голову и ноги, что мнѣ было всего важнѣе?

Охотникъ отвѣтилъ, что съѣли его дѣти.

Узнавъ объ этомъ, баринъ грозно приказалъ ему:

— Иди сейчасъ-же домой и зарѣжь своихъ дѣтей; вынь у нихъ сердца и, зажаривъ, принеси мнѣ ихъ.

Услышавъ отъ барина такія рѣчи, охотникъ обомлѣлъ отъ страха —очень ужъ жаль ему было дѣтей своихъ; но что было дѣлать.

Печальный и задумчивый вернулся охотникъ къ себѣ въ избу. Жена и дѣти, увидѣвъ его запечаленнымъ, спросили его: какъ дѣла и о чемъ онъ груститъ.

Охотникъ отвѣтилъ имъ:

— Да вотъ, любезные дѣти, баринъ велѣлъ сейчасъ же зарѣзать васъ, вынуть ваши сердца, зажарить ихъ и принесть ему на обѣдъ.

На это старшій сынъ сказалъ отцу:

— Нѣтъ, тятя, ты насъ не рѣжь; а убей двухъ щенковъ, вынь сердца, ожарь и снеси ихъ къ барину. Но когда придешь къ нему, то какъ только будешь переступать черезъ порогъ то упади, какъ бы запнувшись,—пусть сердца съ тарелки упадутъ на полъ, и чрезъ это онъ не станетъ ихъ ѣсть. А мы тѣмъ временемъ скроемся изъ имѣнія и тебѣ за это ничего не будетъ.

Охотникъ сдѣлалъ все такъ, какъ посовѣтовалъ ему старшій сынъ. А дѣти его, какъ только онъ ушелъ къ барину съ жаркимъ, простились съ матерью и пошли изъ отцовскаго дома куда глаза глядятъ.

Долго ли, коротко ли они шли, — о томъ не извѣстно; только, наконецъ, пришли они въ одинъ городъ и помѣстились у одной старушки, которая приняла ихъ очень ласково и сказала имъ:

— Вотъ я уже стала очень стара, а дѣтей у меня нѣтъ, такъ докормите меня до смерти, и васъ Богъ не забудетъ. Да къ тому же еще завтра у насъ будутъ выборы царя. Городъ-то нашъ столичный, народу соберется много, тогда и вы можете сходить посмотрѣть. Порядокъ выбора у насъ такой: есть у насъ очень древняя икона; передъ нею ставятъ подсвѣчникъ, но свѣчей не зажигаютъ, а пропускаютъ по одному человѣку, мимо иконы, и если кто пройдетъ въ это время свѣча сама зажгется, то тотъ будетъ нашъ царь“.

Вотъ переночевали они у старушки; утромъ поѣли и пошли на выборы царя. Встали всѣ въ одну ширинку; старшій братъ былъ впереди, а младшій позади его. Много уже прошло народу мимо иконы, а свѣча все еще не зажглась. Наконецъ дошла очередь до братьевъ. И какъ только старшій братъ поровнялся съ иконой, то тотчасъ свѣча вдругъ и вспыхнула.

Тутъ же сразу народъ закричалъ: ура! — и подъѣхала свѣтлая карета, въ которую посадили Ивана и увезли. А младшій братъ испугался и убѣжалъ къ себѣ на квартиру, гдѣ ихъ уже ожидала старушка; но онъ ничего не сообщилъ о братѣ и сталъ жить у нея одинъ.

Бабушка занималась торговлею булокъ и лепешекъ; а теперь сталъ замѣнивать ее Александръ. Онъ приходилъ въ рынокъ раньше всѣхъ старухъ и распродавалъ свой товаръ всѣхъ скорѣе. Продастъ, бывало, все и идетъ домой, да поплевываетъ себѣ, чтобы люди не замѣтили, и наплюетъ столько денегъ, что бабушка подивится и скажетъ:

— Вотъ я ужъ вѣкъ торгую, но никогда не выторговывала столько сколько ты выторговываешь въ одинъ день; ты такъ скоро.

И дѣйствительно время летѣло быстро, онъ расторговался, записался въ купцы, а о братѣ Иванѣ и думать забылъ.

Въ этомѣ же городѣ, недалеко отъ нихъ жилъ богатѣйшій купецъ, по имени — Максимъ. У купца были три прекрасныхъ дочери и всѣ въ зрѣломъ уже возрастѣ. И вотъ надумалъ онъ ѣхать торговать въ другое государство на три года, и передъ отъѣздомъ призываетъ къ себѣ старшую дочь и говоритъ ей:

— Послушай, моя любезная дочка. Вотъ я уѣзжаю торговать въ въ чужія государства на три года, и у меня остаются три бочки меду, какъ бы ихъ сохранить цѣлыми до моего пріѣзда?

А старшая дочь и говоритъ ему:

— Любезный родитель, столько у насъ есть хорошихъ погребовъ, и неужели въ нихъ испортится вашъ медъ?

Онъ на это сказалъ ей:

— Ты мало еще понимаешь. Иди къ себѣ въ покой и пошли ко мнѣ твою среднюю сестру; спрошу ее, какъ она мнѣ посовѣтуетъ.

Старшая дочь ушла и вмѣсто ея пришла средняя; но и она тоже сказала что и старшая. Отецъ отослалъ и эту въ покой и велѣлъ

придти младшей дочери. Когда пришла та, то купецъ повторилъ тотъ же вопросъ, что и старшимъ двумъ дочерямъ. Младшая дочь, выслушавъ отца, отвѣтила ему:

— Нѣтъ, любезный родитель, у васъ есть не три бочки меду, и не о томъ вы заботитесь, а у васъ есть три красавицы дочки.

Да, это вѣрно, сказалъ отецъ. — Ты хотя и младшая по рожденію, но старшая по разуму. Посовѣтуй же мнѣ, какъ это сохранить.

— Любезный мой родитель, — сказала дочь, — сдѣлайте три золотыхъ шара одинаковой величины и поставьте ихъ на крышу вашего дома. При этомъ замѣтьте: который шаръ на которую дочь вы ставили, и чей шаръ почернѣетъ, значитъ та дочь и преступитъ противъ отца. Кромѣ того заготовьте намъ провизіи до вашего пріѣзда и заприте насъ однихъ въ домѣ, а ключъ возьмите съ собой, чтобы мы не могли выйдти изъ дому и къ намъ никто бы не ходилъ.

Купецъ сдѣлалъ все такъ, какъ посовѣтовала ему младшая дочь, и самъ отправился въ дорогу.

Какъ только услышалъ Александръ, что купецъ уѣхалъ на три года торговать въ другія государства, то очень обрадовался этому, потому что онъ уже раньше былъ знакомъ съ его дочерьми, и они его любили, но сильно боялись отца своего.

На другой же день, по отъѣздѣ купца, какъ только стемнѣло, Александръ надѣлъ нищенскую одежду и пошелъ къ купеческимъ дочерямъ. Онъ тихо подошелъ къ дому, чтобы не замѣтили люди, и постучался въ комнату, подъ видомъ странника.

Старшая сестра выглянувъ въ окно и узнавъ въ странникѣ Сашу, тотчасъ же выбросила ему за окно конецъ веревки. Онъ обвязался концомъ веревки и его живо всѣ три сестры подняли прямо къ себѣ въ залъ.

Тутъ его посадили за столъ и начали угощать, а послѣ угощенія сестры стали просить его проводить вечеръ съ ними и поиграть въ карты. Онъ согласился пробыть у нихъ три ночи. А послѣ этихъ

трехъ ночей, проведенныхъ съ сестрами, онъ ушелъ домой къ своей хозяйкѣ.

Время шло своимъ чередомъ. Купеческія дочери почувствовали себя въ тягостяхъ и, когда пришло время, родили по мальчику. Но дѣти жили недолго и всѣ померли.

Александръ къ сестрамъ больше не ходилъ, такъ какъ скоро долженъ былъ пріѣхать ихъ отецъ. И дѣйствительно, въ одно прекрасное утро онѣ увидѣли, что ѣдетъ ихъ папаша. Сознавая свою вину, они опасались за нее.

Купецъ же, какъ только сталъ подъѣзжать къ дому, тотчасъ же, прежде всего, обратилъ вниманіе на стоявшіе на крышѣ дома шары, и увидавъ ихъ потѣмнѣвшими, понялъ, что съ дочерьми не все обстоитъ благополучно. Когда же онъ подъѣхалъ къ дому и сталъ отпирать ворота, навстрѣчу ему вышли преступныя дочери и начали просить у него прощенія. Онъ сталъ ихъ распрашивать, какъ могло это случиться, и онѣ обо всемъ разсказали ему подробно. И купецъ твердо поклялся отомстить Александру за насмѣшки надъ его дочерьми.

Въ одно прекрасное время купецъ сдѣлалъ пиръ и въ числѣ прочихъ пригласилъ къ себѣ въ гости и Александра, который не замедлилъ къ нему явиться.

Когда кончился пиръ, купецъ приказалъ старшей дочери принести коверъ-самолетъ, привезенный имъ изъ заморскихъ странъ, и они стали забавляться съ этимъ ковромъ: то полетятъ по заламъ, то вылетятъ на волю?

Сперва леталъ на коврѣ самъ купецъ, потомъ дочери его, наконецъ, предложили и Александру, чтобы и онъ позабавился этимъ удовольствіемъ, но Александръ долго отказывался отъ этой забавы, но въ концѣ концовъ всетаки уступилъ ихъ общей просьбы и согласился сѣсть на коверъ самолетъ.

И какъ только Александръ сѣлъ, купецъ отвернулъ подъемные винты и коверъ быстро понесся вверхъ.

Долго лѣталъ Александръ надъ землей и ему ужасно это наскучило. Онъ сталъ подумывать о томъ, какъ бы спуститься на землю, но никакъ не могъ найти опускающаго внизъ винта. Наконецъ онъ сталъ терять терпѣніе, да къ тому же и голодъ его сильно мучилъ, а коверъ въ это время плылъ въ воздухѣ надъ моремъ. Вдругъ Александръ попалъ на тотъ самый винтъ, который служилъ для спуска внизъ. Коверъ сталъ опускаться и прямо въ море. Боясь погибнуть въ морскихъ пучинахъ, Александръ сталъ всматриваться въ горизонтъ и замѣтилъ одинъ маленькій островокъ, къ которому направилъ коверъ и, подлетѣвъ къ берегу, спустился на него и вышелъ на землю.

Островокъ оказался необитаемымъ, но очень красивымъ по мѣстоположенію. Свернувъ коверъ, Александръ взялъ его подъ мышку и направился вглубь острова, въ надеждѣ отыскать что нибудь для удовлетворенія голода.

И дѣйствительно, вскорѣ ему удалось отыскать яблоню, съ очень красивыми на ней плодами. Александръ чрезвычайно обрадовался своему открытію и тотчасъ сорвалъ одно яблоко и началъ его ѣсть. Но какъ только онъ его съѣлъ, то въ одинъ моментъ превратился изъ человѣка въ воронаго жеребца.

Вотъ какими чарами обладало съѣденное имъ яблоко.

Не смотря на столь непредвидѣнное обстоятельство, Александръ однако, не растерялся, и схвативъ въ ротъ коверъ, онъ рѣшилъ скакать съ нимъ дальше по острову.

Вскорѣ попалась ему на глаза другая яблоня. Онъ сорвалъ съ нея яблоко и съѣлъ его; и вдругъ изъ жеребца сдѣлался козломъ.

Опять побѣжалъ онъ дальше и увидалъ новую яблоню, съ которой тоже сорвалъ и съѣлъ яблоко. На этотъ разъ онъ изъ козла превратился опять въ человѣка, въ весьма красиваго молодца.

Александръ, послѣ этихъ превращеній, рѣшилъ вернуться и нарвать такихъ чудесныхъ плодовъ, которыми онъ могъ, по желанію, превратить человѣка въ лошадь или козла. Онъ ,про себя, рѣшилъ, по возвращеніи

домой накормить этими яблоками купеческихъ дочерей. И вернувшись къ первымъ двумъ яблонямъ онъ нарвалъ достаточное количество чудесныхъ яблоковъ, а потомъ сѣлъ на коверъ-самолетъ и понесся обратно въ свой городъ.

Прилетѣвъ благополучно домой, онъ попрежнему, занялся торговлей.

Вдругъ купецъ узнаетъ, что Александръ не погибъ, какъ онъ того ожидалъ, а благополучно поживаетъ въ своемъ домѣ и занимается, по старому торговлей. Купцу это извѣстіе пришлось не по душѣ. Вотъ онъ вновь устраиваетъ пиръ и посылаетъ свою старшую дочь пригласить Александра въ гости.

Когда старшая купеческая дочь пришла къ Александру съ приглашеніемъ, то тотъ предложилъ ей, въ видѣ угощенія, скушать яблоко. Дѣвушка долго отказывалась отъ этого, но, наконецъ, взяла и съѣла. И какъ только она съѣла яблоко, тотчасъ же превратилась въ вороную кобылицу. Александръ взялъ за узду и отвелъ ее въ конюшню.

Долго ждалъ купецъ возвращенія своей дочери, но не дождавшись, послалъ къ Александру среднюю. Но и среднюю постигла та же участь, что и старшую сестру.

Тогда купецъ послалъ свою младшую дочь. Но и съ этой Александръ поступилъ также, какъ и съ двумя ея старшими сестрами.

Не дождавшись обратно ни одной изъ дочерей, купецъ рѣшилъ отправиться самолично къ Александру. Но придя къ нему, онъ не нашелъ ихъ здѣсь. Что было ему дѣлать? Пропали всѣ три дочери безъ вѣсти. И сталъ купецъ жить одинъ.

Спустя недолгое послѣ этого время, Александръ вздумалъ тоже устроить пиръ, и на этотъ пиръ созвалъ онъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, а въ томъ числѣ пригласилъ онъ также и купца.

Послѣ пирушки Александръ приказалъ заложить тройку вороныхъ кобылицъ и всѣ гости поѣхали кататься по городу, а также и купецъ

вмѣстѣ съ прочими. А когда прогулка была окончена, Александръ сказалъ своимъ гостямъ:

— Вы знаете, что я могу сдѣлать изъ кобылицъ козъ.

Всѣ гости крайне удивились этому.

Александръ вывелъ кобылицъ на дворъ и далъ имъ по яблоку, и въ одинъ мигъ кобылицы превратились въ козъ.

Послѣ этого Акександръ подошелъ къ купцу и говоритъ ему:

— Если ты желаешь возвратить своихъ дочерей и сдѣлать ихъ счастливыми, то я могу изъ этихъ козъ сдѣлать твоихъ дочерей и онѣ будутъ лицомъ красивѣе прежняго.

Александръ вывелъ козъ во дворъ и въ присутствіи купца подалъ каждой изъ нихъ по яблоку. Какъ только онѣ съѣли плоды, тотчасъ же превратились въ дѣвушекъ, замѣчательной красоты. Чудныя головки ихъ были покрыты пушистыми волосами, которые волнами сбѣгали на ихъ нѣжные плечи. Ихъ хорошенькія личика улыбались пріятной улыбкой, а глаза сверкали демоническимъ блескомъ и были полны очарованія Щечки были покрыты алымъ румянцемъ.

Купецъ взглянувъ на своихъ дочерей, былъ пораженъ ихъ красотой. Сестры ни слова не сказали своему отцу.

Александръ приказалъ нарядить сестеръ въ лучшія платья и привести ихъ въ залъ, куда онъ съ купцомъ отправились теперь.

Когда сестры, одѣтыя въ нарядныя платья, были приведены и посажены за общій столъ съ отцомъ, то послѣдній, увидѣвъ ихъ въ нарядахъ, еще болѣе удивился красотѣ своихъ дочерей. А Александръ сказалъ тутъ купцу:

— Теперь я хочу жениться на твоей младшей дочери и ты ни ей, ни мнѣ не прекословь.

Купецъ согласился на это.

И вскорѣ же была отпразднована свадьба, на которую было созвано множество гостей. Всѣ были очень довольны новобрачными.

Послѣ свадьбы молодые стали ходить по гостямъ вмѣстѣ съ сестрами новобрачной.

Между тѣмъ до царя дошелъ слухъ, что въ городѣ есть такой человѣкъ, который дѣлаетъ изъ лошади козу, а изъ козы человѣка. Царь немедленно же послалъ своихъ слугъ съ приказомъ, во чтобы-то ни стало привести этого человѣка къ нему во дворецъ.

Въ одинъ прекрасный день Александръ съ своей супругой сѣли обѣдать и въ это время вдругъ приносятъ ему приказъ отъ самого царя, чтобы онъ немедленно же явился во дворецъ.

Александръ, не долго думавши, живо собрался и отправился къ царю. Придя во дворецъ, онъ обратился къ часовымъ и тѣ провели въ большое зало и велѣли тутъ ждать царя. Скоро пришелъ царь и сталъ распрашивать у Александра о его родѣ и племени и чѣмъ онъ занимается. Александръ разсказалъ ему обо всемъ подробно. И когда царь узналъ, что онъ его родной братъ, то чрезвычайно обрадовался и началъ его цѣловать.

Послѣ этого Александръ со своею супругою переѣхали на жительство къ царю во дворецъ.

Глупые люди.

Жили-были старикъ и старуха; у нихъ былъ сынъ Иванушка. Вотъ пришло время, когда надо было отдавать Иванушку въ солдаты, а идти ему въ солдатчину—смерть не охота. Онъ постоянно прятался то въ хлѣвъ, то на гумно, то на полати, то — куда попало, чтобы только его не схватили и не отправили на военную службу. Стала однажды старуха топить печку и уронила съ шестка ощепокъ, а ощепокъ былъ большой. Глядѣла, глядѣла старуха — да какъ зареветъ. Услышалъ старикъ, что реветъ его старуха, пришелъ въ избу и спрашиваетъ: — о чемъ ты, старуха, плачешь? — Охъ, старикъ, не знаешь ты моего горя. Какъ мнѣ не реветь. Пособи ты моему горю. Слушай, что я тебѣ скажу. Стала я топить печку, уронила ощепокъ на шестокъ, а съ шестка на полъ. Тутъ мнѣ пало въ голову: какъ бы нашъ Иванушка да былъ женатой, да кабы у него былъ ребеночекъ и сидѣлъ бы онъ тутъ на залавочкѣ; ощепокъ палъ бы на него; такъ бы тутъ его и прихлопнуло. Чтобы я тогда стала дѣлать-то? — А вѣдь ты, старуха, права. Давай-ка я пособлю тебѣ реветь. — Оба и забазанили. Услыхалъ ихъ ревъ Иванушка и думаетъ: „вотъ бѣда, видно за мной пришли, пойду, отворю немножко дверь, погляжу; вѣдь, не вдругъ же схватятъ.“ Подошелъ къ дверямъ, маленько пріотворилъ, видитъ: никого нѣтъ, кромѣ старика и старухи. Зашелъ въ избу и распросилъ, о чемъ они ревутъ. Они разсказали ему. Посмотрѣлъ на нихъ Иванушка плюнулъ на земь и сказалъ: „тьфу, вы, шальные, испужали меня до смерти; пойду я, куда глаза глядятъ; если найду дичѣе, да дурнѣе васъ, ворочусь тогда къ вамъ, а не найду — не видать вамъ меня болѣе.“ Ушелъ. Только его и видѣли старикъ со старухою.

Долго ли, коротко ли шелъ Иванъ, да дошелъ до избы. Заходитъ въ избу, а въ ней тоже живетъ старикъ со старухой; они ѣдятъ кисель и молокомъ захлебываютъ. Хлебнутъ ложку киселя и бѣжатъ въ клить молокомъ захлебнуть. Глядитъ, глядитъ на нихъ Иванъ и говоритъ: — не дѣло вы дѣлаете. Дайте мнѣ сто рублей, и я научу васъ, какъ надо ѣсть.—Возьми, батюшка, съ радостью дадимъ, только научи, а то мы каждый разъ ѣдимъ до пристатку, зачастую и наѣсться не можемъ. — Пошелъ Иванъ на клить, принесъ горшокъ съ молокомъ,

поставилъ кисель и молоко на столъ, посадилъ за столъ старика и старуху, самъ тутъ же сѣлъ и давай кисель уписывать. Всѣ такъ наѣлись, что бока прочь. Отдали старики Ивану сто рублей деньгами, да еще спасибо ему сказали. Пошелъ онъ дальше.

Дошелъ Иванъ опять до избы. Заходитъ въ нее, а въ избѣ такой дымъ что глядѣть нельзя; хозяева бѣгаютъ по избѣ съ рѣшетами въ рукахъ и дымъ изъ избы выносятъ. Глядитъ, глядитъ Иванъ и говоритъ: „кабы вы дали мнѣ сто рублей, такъ этакъ бы не бѣгали; я бы вамъ все устроилъ". Начали хозяева просить Иванушку сдѣлать имъ по своему; дали ему сто рублей, только бы напередъ не бѣгать; напоили и накормили его и всѣмъ надѣлили... Иванъ взялъ топоръ и прорубилъ у самого потолка дырку; дыму сразу не стало, и всѣ остались довольны его выдумкой.

Идетъ Иванъ съ денежками дальше, дошелъ до богатаго дома; въ домѣ томъ жилъ важный баринъ, а около барскаго дома гуляла свинья. Вотъ схватилъ Иванъ свинью за шею и началъ ее душить. Свинья завизжала. Услыхалъ баринъ свиной визгъ и закричалъ своимъ слугамъ: „бѣгите скорѣе, узнайте о чемъ моя свинья пищитъ". Увидалъ Иванъ слугъ и сталъ около свиньи похаживать и кланяться ей, приговаривая: „свиньюшка пестра, моему сыну крестна, пожалуй ко мнѣ въ гости". Слуги спросили Ивана, что онъ свиньѣ наговариваетъ. Иванъ въ отвѣтъ имъ: „да вотъ зову ее въ гости, къ крестнику на свадьбу—въ свахи, да не идетъ, говоритъ—не въ чемъ". Слуги разсказали объ этомъ барину, а тотъ велѣлъ дать свиньѣ хорошее шелковое платье. Снарядили свинью въ это платье, но оказалось ей тѣсно. Свинья опять заверещала: ви-и-и-и, ви-и-и-и!—Чего ей еще надо кричитъ баринъ. — Да вотъ, говоритъ Иванъ, идти не можетъ, больно толста, лошадей проситъ. — Дай ей пару самыхъ лучшихъ лошадей, распорядился баринъ. — Вывели что ни на есть пригожихъ лошадей. Иванъ все не уходитъ отсюда. Все вокругъ дома ходитъ, свиньѣ кланяется и ее подтыкиваетъ, а той это не любо, она визжитъ: ви-и-и-и, ви-и-и-и! Наскучило барину слушать этотъ шумъ, и онъ опять закричалъ: чего ей еще надо?—Да вотъ, говоритъ, Иванъ, проситъ она барскаго благословенія на дорогу и денегъ сколько нибудь. — Дать ей двѣсти

рублей и пускай убирается. Иванъ радъ-радехонекъ: собралъ все, что дали свиньѣ, сѣлъ на лошадей и рѣшилъ: „идти мнѣ-ка теперь къ отцу, къ матери. Есть на свѣтѣ люди еще глупѣе, еще дурнѣе ихъ". Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ — онъ воротился домой. И живутъ теперь всѣ они вмѣстѣ, да поживаютъ и добра наживаютъ.

Бочка съ золотомъ.

Между жителями Мегры есть преданіе о бочкѣ съ золотомъ, которую чертъ отнялъ у нѣкотораго богача, опустилъ ее на дно рѣки и прикрѣпилъ тамъ желѣзными цѣпями.

Въ осеннюю ночь кто то постучалъ подъ окномъ богача. Онъ отворилъ ставень и спросилъ, кто его безпокоитъ въ такую пору. Отвѣта не было. Богачъ уснулъ, но опять послышался стукъ. Мужикъ снова окликнулъ и снова было мочаніе. Вѣроятно, подумалъ онъ, меня хотятъ ограбить, а потому снялъ съ палки ружье, зарядилъ его пулею, намѣреваясь при малѣйшемъ шорохѣ, выстрѣлить въ вора. Только что успѣлъ онъ приготовиться, какъ опять послышался стукъ. Нѣтъ ужъ теперь кончено, подумалъ богачъ и выстрѣлилъ наудачу. Пуля со свистомъ прокатилась по улицѣ и въ то же время подъ окномъ раздался ужасный хохотъ, отъ котораго у богача захолонуло сердце и самъ онъ затрясся какъ осиновый листъ. Торопливо онъ сталъ запирать окно, какъ глядь за окно держится мохнатая рука и не позволяетъ задвинуть ставень. Богачъ схватилъ ножъ, чтобы отрѣзать мохнатую руку, а изъ подъ окна выставилось чудовище съ неподвижными оловянными глазами, съ чернымъ лицомъ. Чудовище приказываетъ богачу оставить безполезное намѣреніе, а выйдти на улицу и слѣдовать за нимъ. Дѣлать нечего; надо повиноваться приказанію строгаго ночнаго посѣтителя. Чудовище схватило его за лѣвую руку и потащило за собой вверхъ по теченію рѣки. Долго они шли, наконецъ страшилище остановилось и сказало своему дрожащему товарищу; послушай товарищъ: у тебя есть бочка съ золотомъ. Я знаю, что ты

ни за что не разстанешься съ ней. Чѣмъ пропадать сокровищу, по смерти отдай его мнѣ; вѣдь я тоже помогалъ тебѣ наживать его. Но смотри, если откажешься, то я сейчасъ же брошу тебя въ воду и будешь ты цѣлый вѣкъ жариться на сковородкѣ. Богачъ какъ ни любилъ бочку, отдалъ, не желая умирать, согласился на предложеніе страннаго незнакомца. Ну, когда ты согласенъ, то завтра въ полночь я приду къ тебѣ за бочкой, теперь прощай. Чудовище юркнуло въ воду. Мужикъ смекнулъ, что велъ бесѣду съ чертомъ. На другой день стукъ, стукъ подъ окномъ. Мужикъ выглянулъ. Здорово пріятель! Я вѣренъ своему слову, вѣренъ ли ты? Вѣренъ чертышко, вѣренъ. Когда такъ, то подавай бочку и иди за мной. Чертъ взвалилъ бочку на плечи и понесъ, богачъ шелъ за нимъ. По приходѣ на вчерашнее мѣсто, чертъ опустилъ бочку на землю, сходилъ на дно рѣки, вытащилъ оттуда двѣ желѣзныя цѣпи, опустилъ бочку и погрузилъ ее въ глубину рѣки, туда отправился и самъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ вышелъ изъ воды и подавая мужику горсть золота сказалъ: вотъ тебѣ за твою примѣрную вѣрность, но смотри никому ни слова о бочкѣ, а если чуть проговоришься, не миновать моихъ рукъ. Проговоривъ это, онъ нырнулъ и скрылся. Долго опечаленный мужикъ стоялъ на берегу рѣки и только съ восходомъ солнца оставилъ то мѣсто, гдѣ навсегда распростился съ дорогой бочкой. Возвратясь домой, онъ залился горькими слезами, глядя на пустое мѣсто, напоминавшемъ ему о любимомъ предметѣ. Съ этого времени мужикъ сдѣлался горькимъ пьяницей, тогда какъ прежде не бралъ въ ротъ ни капли хмѣльного. Сосѣди не могли надивиться на мужика, который изъ скряги сдѣлался кутилой и допытывались о причинѣ такой перемѣны и пожалуй не узнали бы, если бы онъ самъ не проболтался одному изъ своихъ пріятелей. Но что же изъ этого вышло? Въ одинъ день мужикъ, выходя съ пріятелями изъ кабака, повстрѣчался съ однимъ повидимому ему знакомымъ человѣкомъ, котораго началъ звать къ себѣ въ гости. Несмотря на позднее время, пріятели согласились на предложеніе добраго знакомаго и пошли за нимъ. Болѣе часа продолжался ихъ путь. Время въ разговорахъ шло незамѣтно. Вдругъ товарищъ богача зѣвнулъ и перекрестился. Видятъ, что они стоятъ въ водѣ по колѣно, а товарищъ его бредетъ дальше и наконецъ скрылся въ глубинѣ рѣки. На другой день богача нашли мертвымъ, опутаннаго цѣпями съ пустой бочкой на шеѣ и похоронили

на томъ же мѣстѣ, гдѣ угостилъ его чертъ. Разсказываютъ, что на могилѣ богача бываетъ споръ о золотѣ. Богачъ упрекаетъ черта обманщика въ томъ, что послѣ угощенія отпустилъ его домой съ пустою бочкой а золото пересыпалъ въ другую. Многіе послѣ того пытались достать бочку, но безуспѣшно. Разъ было какой то рыбакъ, въ отсутствіи черта, вытащилъ бочку на поверхность воды, но чертъ, узнавъ о похищеніи, подоспѣлъ изъ дальнихъ сторонъ и увлекъ бѣднаго мужика вмѣстѣ съ лодкой на дно рѣки. Послѣ того никто не смѣлъ ловить долгое время рыбу на томъ мѣстѣ, боясь черта, котораго однако видѣли въ то время, когда онъ сидя на камнѣ порединѣ рѣки, расчесывалъ волоса мѣднымъ гребнемъ, величиною въ сажень. Впрочемъ теперь на этомъ мѣстѣ ловятъ рыбу, не опасаясь черта, который вѣроятно со своей бочкой или переселился въ другое мѣсто, или тутъ же укрѣпилъ ее не на шутку, боясь, что люди похитятъ ее.

Первый выпускъ отпечатанъ въ количествѣ 120 экз. не для продажи, какъ матеріалы для будущихъ изслѣдователей Русскаго народнаго быта.